

**ЭЛИЗАБЕТ
МИД-СМИТ**

ШКОЛЬНАЯ
КОРОЛЕВА

Лучшая классика для девочек

Элизабет Мид-Смит

Школьная королева

«Public Domain»

1916

УДК 821.111-31-053.6
ББК 84(4Вел)-44

Мид-Смит Э.

Школьная королева / Э. Мид-Смит — «Public Domain»,
1916 — (Лучшая классика для девочек)

Элизабет Мид-Смит – известная британская писательница ирландского происхождения, автор более 300 книг для девочек. На прекрасных повестях писательницы выросло не одно поколение читательниц. В пансионе миссис Шервуд Китти О'Донован – всеобщая любимица. Девочки единодушно выбрали ее королевой мая. Подобной чести удостоивается лишь самая послушная, добрая и благовоспитанная ученица. Но у счастья всегда бывают завистники. Гордая и самолюбивая Генриетта не смогла простить Китти, что именно она стала новой школьной королевой, и задумала ее оклеветать. Удастся ли Китти спасти свое доброе имя?

УДК 821.111-31-053.6
ББК 84(4Вел)-44

© Мид-Смит Э., 1916
© Public Domain, 1916

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	22
Глава V	27
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Мид-Смит

Школьная королева

О матушка, ночные ветерки колышут травку луговую,

Счастливых звездверху сиянье ярче зажигаю...

Весь день-деньской дождя не будет завтра, я ликую...

О матушка, я завтра буду королевой мая!

А. Теннисон

Elizabeth Meade Smith

Kitty O'Donovan: A School Story

© Репина А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава I

Мертон-Геблс

Вопрос не представлял ни малейшего затруднения. Китти О'Донован была единогласно избрана королевой мая.

Миссис Шервуд имела обыкновение ежегодно в середине апреля перевозить тридцать воспитывавшихся у нее девочек из дома на Мербери-сквер в Мертон-Геблс. Лишь только распускались подснежники и вся природа, полная радости, оживала, она со своими веселыми воспитанницами и учительницами перебиралась в Мертон-Геблс. Там они проводили лето, и там старый обычай избрания королевы мая выполнялся со всеми церемониями былых времен.

Каждая девочка в школе мечтала стать королевой мая. Воспоминание об этом торжестве сохранялось на всю жизнь. Зависти не было места, так как королева избиралась не начальницей или учительницами, а лишь ученицами, своими подругами. Выбирали эту девочку не за красоту – она удостаивалась желанной чести просто потому, что подруги ее любили.

Празднование первого дня мая обставлялось большими церемониями. Избранница узнавала о своем счастье за неделю до торжества. Трудно было сохранить от нее тайну, однако это удавалось; предварительно голоса собирались потихоньку комитетом бывших королев, и потом миссис Шервуд определяла пять имен, пять кандидаток, из которых одна по решению ученического коллектива становилась королевой. В так называемом Праздничном зале Мертон-Геблса ей объявляли о выпавшей на ее долю чести.

Школа миссис Шервуд, без сомнения, во многом походила на другие школы, но сильно отличалась от них в некоторых отношениях. В ней было немало своеобразного. Там заботились прежде всего о нравственном воспитании и обращали больше внимания на развитие благородства, здравого смысла, твердости и правдивости, чем на приобретение светских талантов. Девочке незаурядной, но своенравной могло быть иногда не по себе в поместье Мертон-Геблс или в школе на Мербери-сквер. Зато девочку, которая стремилась помогать другим и забывала себя, ласково поддерживали учительницы; подруги обожали ее, и она проводила светлые, радостные дни.

Поступить в школу миссис Шервуд было довольно трудно. Она ни за что не хотела принимать более определенного количества учениц и трудилась не ради прибыли, а из любви к делу и к своим девочкам. В молодости она потеряла мужа, которого обожала, а сын утонул еще юным.

В тридцать пять лет миссис Шервуд увидела себя обреченной на одинокую, печальную жизнь, лишенную всяких интересов. Будучи богатой и очень образованной, она могла жить для себя или делать добро другим; ей пришла мысль, что она может воспитывать детей. Миссис Шервуд посоветовалась с деканом кафедрального собора в том городе, где жила, и с другими достойными уважения людьми – и открыла школу. Плата за обучение была назначена умеренная, так что ее могли вносить и родители со сравнительно небольшими средствами. Кроме того, школа имела «фонд памяти Шервуда»: деньги, отложенные миссис Шервуд на содержание шести девочек, которые иначе не были бы в состоянии учиться у нее. Она решила, что лучше так сохранить память о муже и сыне, чем какой-то медной доской или памятником. Она никогда не говорила об этом фонде, и учившиеся за счет него девочки не подозревали о нем. В школе не делалось никакого различия между ними и другими ученицами.

Имение Мертон-Геблс располагалось недалеко от моря. Здесь стоял очень старый дом, один из тех домов, в комнатах которых – обшитых панелями, с низкими потолками – и в причудливых коридорах было особенно уютно, по-домашнему; окна со старинными рамами выходили во двор и в прекрасный сад, полный цветов.

Среди тридцати девочек училась одна американка по имени Клотильда Фокстил – пятнадцатилетняя, тонкая, невысокая, с мягкими черными волосами и странным, вопросительным выражением серых глаз. В Клотильде не было ничего замечательного, но она считалась веселой и нравилась девочкам.

Клотильда находилась в школе уже более года. У нее не имелось никаких шансов стать королевой мая, и она искренне радовалась, что эта честь выпала Кетлин О’Донован. Кетлин, или просто Китти, была действительно общей любимицей и в Мертон-Геблсе заняла завидное положение без малейшего усилия со своей стороны. Просто она, веселая ирландка четырнадцати лет, уроженка Изумрудного острова, обладала хорошим характером, была милой и доброй. Большие черные глаза, розовые щеки и маленькие, ровные белые зубы делали лицо Китти симпатичным. Все располагало в ней: ее веселость, звонкий смех, простое обхождение и нежная душа. Если у кого-нибудь в школе случалась неприятность – посылали за Китти: «Китти, не сделаешь ли это? – Китти, сделай то... – Помоги, Китти. – Мы не можем обойтись без тебя, Китти». И Китти никогда не отказывала и делала все, что могла.

Познакомимся и с некоторыми другими воспитанницами. Это Елизавета Решлей, красивая, самостоятельная, из старинного корнуэльского рода; Мэри Дов, дочь старой приятельницы миссис Шервуд; Генриетта Вермонт, родные которой жили в одном из предместий западной части Кенсингтона; три сестренки с севера Англии, Мэри, Матильда и Джен Купп, – добродушные, приветливые, но неяркие, ничем особенно не выделявшиеся, так что Елизавета Решлей выражала иногда сожаление по поводу их пребывания в школе, а Мэри Дов ее останавливала, и Генриетта прибавляла:

– Не говори так, Елизавета. Миссис Шервуд была бы недовольна, если бы слышала твои слова.

Маргарита Лэнгтон слыла одной из самых умных среди воспитанниц, к тому же имела сильный характер. Она дружила с Томасиной Осборн. Подружки опекали Марию Банистер, появившуюся в школе недавно. Леди Марии, дочери графа, только что исполнилось тринадцать лет. Это была хорошенькая девочка очень маленького роста и довольно слабого здоровья; ее мать подумала, что ей будет полезно пожить у миссис Шервуд.

Учились в школе еще две француженки, Анжелика и Корделия л’Эстранж, и три немки – Маргарита, Альвина и Дельфина фон Шторм. Как и другие названные девочки, они будут играть определенную роль в нашей истории.

В Мертон-Геблсе жили три учительницы – мисс Хиз, мисс Хонебен и мисс Уэринг. Мисс Хиз была главной помощницей миссис Шервуд, мисс Уэринг занималась с самыми отсталыми ученицами. Мисс Хонебен, полненькая, с блестящими глазами и живой улыбкой, вызывала у всех маленьких девочек желание именно к ней обращаться за советом и утешением. Когда леди Марии по приезду в школу предстояло провести первую ночь, мисс Хонебен пошла с девочкой в ее хорошенькую спальню, помогла ей лечь в кровать, накрыла ее теплым одеялом, поцеловала несколько раз и сказала, что если Марии хочется поплакать, то в этом нет ничего дурного, и осталась с новенькой воспитанницей, пока та не уснула. С этой минуты Мария знала, что приобрела друга, и в ее кротких серых глазах появилось новое выражение, не похожее на то отчаяние, которое заметила в них миссис Шервуд, когда девочка впервые вышла из школьного автобуса.

Кроме трех учительниц-англичанок у миссис Шервуд работали: француженка, мадемуазель де Курси, которая очень плохо говорила по-английски, и немка, фрейлейн Крумп, превосходная гувернантка, часто бывавшая, однако, не в духе, возможно, из-за сильных головных болей, чем она пользовалась в нужных случаях.

В последний день апреля уроков не было. Распорядок жизни уже несколько дней зависел только от пожеланий королевы, которую всегда выбирали за неделю до Первомайских торжеств. Вечером педагоги и воспитанницы собрались в Праздничном зале. По обычаю, нака-

нуне праздника королева должна была назвать своих фрейлин и статс-дам, а также сделать распоряжения насчет церемоний следующего дня. Какая бы причуда ни пришла ей в голову, все необходимо было исполнить. Иногда случалось, что королевой мая выбирали недалекую девочку, и праздник проходил скучно. Но теперь королевой стала Китти О'Донован, а она-то не заставит своих подданных провести скучный день. Миссис Шервуд обыкновенно посылала за королевой мая и просила ее в виде особой милости посвятить в тайну. А вообще никто в школе не знал, какой будет изюминка торжества, даже любимая учительница мисс Хонебен.

Королева не долго колебалась в выборе фрейлин. Главной фрейлиной была назначена Клотильда Фокстил.

– Она такая веселая, – объяснила Китти.

Клотильда выбежала вперед, крепко обняла Китти и воскликнула:

– Ты славная!

Фрейлинами стали Маргарита Лэнгтон, маленькая леди Мария Банистер и Мэри Дов. Обязанности статс-дам были менее важны. Одной из статс-дам оказалась мисс Хонебен (она была удивлена и немного смущена подобной честью), второй – Анжелика л'Эстранж и третьей – Томасина Осборн. Итак, были определены четыре фрейлины и три статс-дамы. Несколько позже все они, в том числе и мисс Хонебен, сидели в уголке и обсуждали то, чем и как лучше отметить следующий день, счастливый в жизни Китти О'Донован.

– У тебя никогда больше не будет такого счастливого дня, Китти, – сказала Мэри Дов, – сколько бы ты ни прожила.

– Хотела бы я знать, что приятнее: быть королевой мая в Мертон-Геблсе или невестой? – восторженно произнесла Клотильда.

– Ну, я в пять тысяч раз больше хочу быть королевой мая. А ты, Клотильда?

– Не знаю, – ответила Клотильда. – Если бы я была невестой, столько было бы веселья и столько подарков!

Мисс Хонебен придвинулась к Клотильде и что-то быстро шепнула ей на ухо.

По заведенному миссис Шервуд обычаю в праздничный первомайский день она сама дарила что-нибудь королеве мая, чтобы воспоминание об этом великом почете осталось на всю жизнь. Подарок миссис Шервуд назывался «призом королевы мая». Иногда это было полное собрание сочинений какого-либо автора в прекрасном переплете, иногда медальон или какая-то другая ценная вещица. При этом всегда миссис Шервуд собственноручно писала слова поздравления, где так или иначе отмечала положительные черты характера девочки, избранной королевой мая.

– О, как все прекрасно! – сказала Клотильда. – А вот в американских школах нет ничего подобного. Думаю, могла бы я тоже быть королевой мая в следующем году?

– Мы никогда не говорим об этом, никогда... – строго сообщила Мэри Дов. – Ведь королеву избирают все, и только потому, что ее любят.

Маргарита Лэнгтон озабоченно вздохнула.

– Я боюсь, как бы наша маленькая леди Мария не упала в обморок завтра, когда нужно будет нести шлейф королевы мая и ходить за ней вокруг майского дерева на глазах у всех гостей.

– Не упадет, – улынулась мисс Хонебен. – Я тоже статс-дама... Как я рада, что ты меня выбрала, и я буду рядом.

Китти с любовью посмотрела в лицо мисс Хонебен.

– Конечно, нам было бы трудно обойтись без вас. Я уверена, что завтра все пройдет благополучно. О, я так взволнована! Вы не думаете, что на этот раз праздник окажется каким-то особенным?

Мисс Хонебен ободряюще улыбнулась.

– Это будет очень счастливый день.

Вскоре девочки разошлись по своим комнатам; у каждой была хотя и очень маленькая, но отдельная спальня. Китти подошла к окну. Сердце ее переполняли чувства. Ей выпала такая честь, которой она никак не ожидала. Почему-то отдали предпочтение ей, когда в школе есть такая красавица Елизавета Решлей. И все же королевой избрали ее – Китти О’Донован! «Пока я жива, буду благодарна судьбе за этот день», – думала Китти.

Некоторое время еще она простояла у окна, погруженная в раздумье. Ее живое лицо нельзя было назвать красивым, но оно имело свое особое очарование. Выражение его изменялось довольно часто. Глаза то блеснули неудержимым весельем, то как бы покрывались тенью – так проплывающее в небе облако затеняет на время залитое солнцем озеро. Китти была истинной дочерью своей страны. Природа дала Китти один дар – величайший, какой может быть у женщины: не думать о себе, а с радостью делать счастливыми других. Конечно же, подруги это оценили, вот почему Кетлин О’Донован из графства Керри была единогласно избрана королевой мая, хотя в школе не пробыла еще и года.

Стоя перед окном, Китти перенеслась мысленно в Керри, в дом отца, где прошло ее детство. Какое это чудесное имение! Живописные горы окружают его, а у подножия гор лежат глубокие озера. Уединенный дом окружен высокими деревьями, такими же старыми, как вся усадьба. Во время сильных дождей крыша дома кое-где протекала, зимой же Китти и ее отец спасались от холода, только сидя у горящего камина. Но все же быть О’Донованом из имения «Пик» считалось большой честью, и девочка – единственный потомок знаменитого древнего рода – чувствовала это, как она выражалась, до мозга костей. Разве на целом свете мог быть еще такой человек, как ее отец! Он хорош собой – высок, широкоплеч, с величественной осанкой; его голос, смех, лучистые глаза, веселый нрав всегда действуют ободряюще на всех людей, с которыми он общается, причем относится одинаково доброжелательно как к богатым, так и к бедным. Конечно, на свете нет равного отцу.

«Я напишу папочке, – подумала Китти. – Я должна и хочу написать ему. Хотя завтра мне нужно рано вставать, все же напишу папе сегодня. Скажу об этом мисс Хонебен, а она передаст миссис Шервуд, и миссис Шервуд, наверное, не рассердится: ведь случай-то такой важный».

И Китти, смело нарушая правило, чего раньше за ней никогда не было, зажгла свечу, присела у столика, положила перед собой лист бумаги, обмакнула перо в чернила и начала писать:

«Дорогой мой папа! Вот я пишу Вам, Ваша Китти, которая думает о Вас, любит Вас и мечтает о том, как бы покрепче, покрепче обнять Вас! Удивительная вещь произошла с Вашей девочкой: меня выбрали королевой мая. И я думаю, вот почему это случилось: Вы ведь знаете, что во мне ровно ничего нет; я и сама понимаю, что я обыкновенная девочка. Ну так вот, папочка, в чем дело: должно быть, часть Вашего величия перешла ко мне. А как Вы думаете, милый мой папочка? Завтра утром меня будут приветствовать как королеву мая. Помните, папочка, чудесную поэму, которую я читала Вам, когда была ребенком!

О матушка, ночные ветерки колышут травку луговую,
Счастливых звезд вверх сиянье ярче зажигая...
Весь день-деньской дождя не будет завтра, я ликую...
О матушка, я завтра буду королевой мая!

Вот это и оказалось верным. Только я говорю это не моей дорогой матери, а моему отцу. И Вы подумайте обо мне завтра, а я напишу Вам и расскажу все, что будет, до малейшей подробности. У меня будут и фрейлины, и статс-дамы, и майское дерево. Целый день все будут меня слушаться и делать, что я захочу. Вы разве не гордитесь мной? Могу сказать Вам, папочка, что я-то сама очень горжусь собой, а больше всего тем, что я Ваша дочь. Спокойной ночи, дорогой

мой. Я должна поспать немного, чтобы иметь хороший вид, достойный своего королевского звания, своего королевства и подданных.

Китти О'Донован».

Письмо было адресовано О'Доновану в «Пик», Киллерней, графство Керри. Потом Китти забралась в постель, положила на подушку свою кудрявую головку и погрузилась в глубокий сон.

Глава II

Нет розы без шипов

В любом стаде может завестись черная овца, во всякой семье случаются несчастья, и во всех школах – даже в такой, как школа миссис Шервуд, – не обходится без недоразумений и разных неприятностей. Такова жизнь с ее темными сторонами. Не бывает розы без шипов.

Миссис Шервуд, например, и не подозревала, что кто-нибудь в школе может не любить такую милую, прелестную девочку, как Китти О’Донован. Но миссис Шервуд отличалась великодушием, у нее было доброе сердце, а в характере ничего низкого, мелочного. Говоря о ком-нибудь, миссис Шервуд всегда упоминала о хороших качествах этого человека, но не о плохих. И ей удавалось отыскивать в окружающих хорошие качества. На нее часто смотрели с удивлением, когда она высказывала что-то положительное о том, кого не любили, причем говорила весьма убедительно. Тогда собеседнику или собеседнице ничего другого не оставалось, как согласиться с ней:

– А мне это и в голову не приходило. Однако вы, без сомнения, правы.

Так и шла миссис Шервуд по своему жизненному пути, сея добро. Она никого не подозревала ни в чем дурном и потому была счастлива. Хотя низкие натуры, увы, изредка встречались даже среди ее чудесных девочек.

Нет ничего неприятнее, ниже зависти и ревности. Избрание Китти королевой мая не понравилось трем девочкам – Генриетте Вермонт, Томасине Осборн и Мэри Купп.

Генриетта – поразительно красивая девочка, дочь богатых родителей – была очень избалована с раннего детства. Поступая в школу, она думала, что и тут ею будут только восхищаться. И ей пришлось испытать огорчение. С ней обращались очень ласково, но никто не боготворил ее, никто не видел в ней ничего удивительного. Педагоги о ней говорили: если будет стараться, сможет приобрести достаточно знаний. Подруги никогда не восторгались ее внешностью, дорогими платьями. Ее красота и богатство не придавали ей никакого ореола в глазах учениц школы. Генриетту не устраивало такое положение.

Разумеется, поступив в школу, Генриетта узнала о прекрасной традиции – первомайских торжествах в Мертон-Геблсе. Ей рассказала об этом Мэри Дов.

– Хотелось бы мне знать... очень хотелось бы, когда я буду королевой мая, – сказала Генриетта.

Мэри заметила:

– У нас у всех одинаковые шансы стать королевой мая. Точнее, у тех, кто еще не был королевой, потому что эта честь оказывается только один раз.

– Как это устраивается?

– Мы, девочки, должны сами выбрать королеву.

Генриетте это не понравилось.

– Что это значит? – спросила она. – Если мы сами будем выбирать себе королеву, то каждая может выбрать саму себя. Какой это был бы шум и переполох!

– Королева обыкновенно выбирается из пяти девочек, указанных миссис Шервуд, – объяснила Елизавета Решлей, включаясь в разговор. – Остальные ученицы решают, кому из них быть королевой. Весьма возможно, что ты будешь королевой, Генриетта, но мы узнаем это только за неделю до первого мая.

И вот наступил день выборов. После ужина всем предложили пройти в Праздничный зал. Там миссис Шервуд объявила, кто же оказался в числе пяти кандидаток: Генриетта Вермонт, Китти О’Донован, Клотильда Фокстил, Маргарита Лэнгтон и Мэри Купп. Девочки вышли вперед, поклонились начальнице и всем собравшимся, а затем в сопровождении мисс Хиз вышли

из зала. В их отсутствие школьным подругам предстояло избрать лучшую. Решение было принято очень быстро, причем единогласно.

– Китти О’Донован! – кричали с мест. – Никого другого, кроме Китти О’Донован! Китти должна быть нашей королевой!

Пять девочек вернулись в Праздничный зал, чтобы услышать, что решило собрание. Китти избрана королевой мая!

Глаза Генриетты потемнели. С трудом овладев собой, она стояла в стороне, пока девочки толпились вокруг Китти, поздравляя ее. Через минуту Генриетта выскользнула из зала и, накинув на плечи платок, убежала в сад. Ее душил гнев. Как несправедливо! Они выбрали эту Китти О’Донован. Да она, Генриетта, в десять раз богаче Китти, у нее в десять раз больше платьев. Она гораздо умнее Китти, она красива. Почему же подруги – противные! – выбрали Китти королевой?

Так думала Генриетта, и ее щеки горели от возмущения, и сердце в груди бешено колотилось, возбужденное завистью и злостью. А в доме все было полно радости и оживления.

– Что ты тут делаешь? – произнесла Елизавета Решлей, возникнув перед Генриеттой из темноты.

– О Бетти, я ничего не могу поделать с собой. Я словно безумная! – с горечью в голосе воскликнула Генриетта. Похоже, она была рада появлению подруги, которая сразу заметила ее отсутствие и, забеспокоившись, пошла за ней.

– Безумная? – повторила Елизавета. – У тебя какая-то неприятность, Генриетта?

– Конечно, большая неприятность! И я не могу скрыть ее. Как могли девочки выбрать Китти О’Донован королевой мая?

Елизавета удивилась:

– А ты чего хотела? Чтобы выбрали тебя?

– Ну да! Разве я не лучше Китти? Ведь лучше, – произнесла Генриетта, вздохнув. – Две недели назад я сообщила маме о том, что стану королевой мая, и она была так довольна, что прислала в подарок платье из мягкого белого шелка. Она написала, что, если все именно так случится, она подарит мне еще колечко с голубой эмалью и с надписью «Королева мая». Мама собирается обо всем рассказать своим друзьям. О, все это мне кажется ужасным! Это не по справедливости!

– Знаешь, ты очень удивила меня, – сказала Елизавета. – В первый раз ученица здешней школы недовольна избранием королевы мая. Все это решают сами девочки. Мы выбираем королеву. Она принадлежит нам. Она избрана не миссис Шервуд и не учительницами, а только нами. Ты удивляешь, поражаешь меня.

Генриетта молчала. Елизавета участливо положила руку ей на плечо.

– Не сердись, Генни. И не говори ничего девочкам. Я уверена, что это им не понравится.

Желая развеселить подругу, Елизавета добавила:

– Да, Генни, ты ведь не смогла бы надеть свое великолепное шелковое платье, если бы сейчас тебя выбрали королевой. Потому что королева мая должна быть в простом кисейном платье. Пойдем же в дом и будем повеселее. Я ничего не расскажу про тебя, и ты можешь развеселиться, если захочешь.

– Благодарю тебя, Елизавета, попробую сделать над собой усилие, – сказала Генриетта.

– Так будет лучше, – согласилась Елизавета, улыбнулась Генриетте, и подруги вдруг расхохотались. Напряжение исчезло. Через несколько минут девочки вошли в дом.

Комнаты Генриетты Вермонт и Томасины Осборн были рядом. Ночью Томасина услышала, как Генриетта плакала за стенкой, и пробралась к ней. Генриетта поведала ей о своем горе. Томасина не стала, как Елизавета, успокаивать подругу, и согласилась, что произошла несправедливость. Какой позор! Чем уж так хороша Китти О’Донован?

– Вот и Мэри Купп удивляется. Мне удалось ее убедить, – полушепотом добавила Томасина.

Сестры Купп были из числа тех учениц, которые содержались за счет миссис Шервуд, о чем сами девочки не знали – только их родителям это было известно. Не знали этого и другие девочки в школе, и миссис Шервуд надеялась, что этот факт никогда не обнаружится. Миссис Купп в прежние годы была дружна с миссис Шервуд: она вышла замуж за бедного священника, у нее было семеро детей. Миссис Шервуд решила: самое лучшее, что она может сделать для миссис Купп, это взять к себе на обучение ее трех дочерей. Поэтому девочки покинули домик в Манчестере, где они жили в большой тесноте, и, одетые в новые приличные платья, были отосланы в школу миссис Шервуд.

Мэри была средняя из сестер, Матильда – старшая, Джен – младшая. С рождения сестры были знакомы с бедностью. Об этом они решили никому не рассказывать, оказавшись в благоустроенной школе миссис Шервуд. Правда, им выделили не отдельную комнату каждой, как всем другим, а одну на всех, но довольно большую. Между собой сестры были дружны. Среди всех прочих они, самые обыкновенные, ничем не выделялись и не могли блеснуть никакими талантами. Однако Мэри не хотела мириться с таким положением. Лукавая от природы, она задумала добиться всеобщего уважения. Мэри была способна на такие поступки, за любой из которых миссис Шервуд, если бы узнала, немедленно исключила бы ее из школы.

В последнее время Мэри явно подыгрывала честолюбивой Генриетте. И вот ночью, после избрания королевы мая, ее разбудила Томасина Осборн, чтобы рассказать о переживаниях Генриетты. Затем они обе прошмыгнули в комнату несчастной подружки.

– Мне так жаль тебя, Генни, – сказала Мэри тихим и мягким голосом. Встав на колени перед кроватью, она взглянула Генриетте прямо в лицо: – Не придумать ли нам какой-нибудь план? Нужно показать всем, что Китти О’Донован вовсе не такая хорошая.

Генриетту даже несколько смутило такое предложение, а Томасина вообще была поражена. Но дурное быстро укореняется. В течение последней апрельской недели заговорщицы пытались придумать какие-нибудь ситуации, в которых Китти О’Донован предстала бы не в лучшем свете. Когда они в очередной раз шушукались в стороне от других, Мэри сказала:

– Предоставьте это мне. Я сумею кое-что устроить.

– Что? – поспешно спросила Томасина.

Мэри загадочно улыбнулась.

– Узнаете, что случится после майского праздника.

Томасина поежилась.

– Я так боюсь! Если бы ты знала, какой у тебя вид, Мэри. Ты задумала что-то ужасное?

– Ничего такого, чтобы приходить в ужас, – усмехнулась Мэри. – По крайней мере, мне понятны чувства дорогой Генни: нанесено такое оскорбление.

Генриетта одобритительно кивнула.

– Мы ничего не будем делать, пока не пройдет первое мая, – продолжила Мэри. – А потом я сумею унижить эту Китти. И все пожалеют, что выбрали королевой не тебя, Генриетта.

Предпраздничная неделя прошла быстро. И вот в канун праздника Китти назначила фрейлин и статс-дам. В свиту была выбрана и Томасина Осборн, одна из заговорщиц. Вечером, когда Китти, радостно-взволнованная, писала письмо своему отцу, другая заговорщица, Мэри Купп, следила за ней из сада. «Так-так, наша королева мая, пример для подражания, нарушает одно из правил школы, – сказала она про себя. – Думаю, мне скоро удастся открыть всем глаза на эту Китти. Но нужно быть уверенной, что Генриетта останется на моей стороне. Если я смогу устроить так, чтобы в будущем году Генриетту выбрали королевой, тогда, конечно, она сделает все для меня».

Мэри тихо вернулась в дом и, никем не замеченная, прошла в комнату, где ее сестры уже готовились ко сну.

– Где ты ходишь, Мэри? – спросила Матильда. – Пора спать. Ведь завтра мы все должны встать рано.

– Смотри, Мэри, мы нашли на столе записку, – сказала маленькая Джен. – Это от королевы мая.

– Я не желаю читать того, что пишет королева мая. Она ничто для меня. Никогда не слышала, чтобы девочку возвышали таким смешным образом.

– И все же, ты знаешь, что Китти – наша королева мая. Вот что она пишет:

«Дорогие мои первомайские подданные. Я желаю, чтобы завтра вы все явились на праздник в белых платьях и весь день не носили другого цвета.

Ваша преданная государыня, королева мая».

– Чепуха и вздор! – сказала Мэри. – Вот было бы весело не послушаться ее.

– Но этого нельзя делать! – удивленно воскликнула Джен. – Как бы тогда отнеслись к нам остальные девочки?

– Интересно, наденет ли Генриетта белое платье... – продолжала Мэри.

– Наденет, – будто не замечая иронии Мэри, ответила Матильда. – Мы все наденем, должны надеть.

Но Мэри не унималась.

– У меня есть хорошее красное платье, у тебя – синее, у Джени – желтое. Почему бы на праздник нам не надеть их? Я считаю белый цвет таким неинтересным.

Матильда укоризненно покачала головой.

– Тебе все-таки придется надеть завтра белое платье. Ты очень изменилась, Мэри. Джени и я заметили это. А все потому, что ты водишься с Томасиной и Генриеттой. Мне бы хотелось, чтобы ты побольше бывала с нами. Ведь мы твои сестры.

Глава III

Злое дело

Первого мая погода была чудесная. Холодный, пронзительный восточный ветер, обычно дующий в апреле, уступил пространство западному ветерку. Небо было ясное и голубое. Море и небо словно соперничали между собой в яркости и прозрачности красок. Уже утром стало совсем тепло.

Королева мая в простом белом платье, с мягкими темными волосами, перехваченными широким белым бантом и распущенными по спине, появилась перед собравшимися. За ней шли фрейлины и статс-дамы. Когда королева остановилась, они надели ей на голову венки из белых цветов, а гирляндой из таких же белых цветов обвили ее шею. Свита королевы была также вся в белом и с белыми гирляндами, но без венка. Все стояли у майского дерева, украшенного цветами. Миссис Шервуд и другие педагоги присоединились к воспитанницам.

Девочки взялись за руки и стали танцевать сначала вокруг своей королевы, а потом вокруг майского дерева. Немного позже на траве был приготовлен завтрак. Королеву подвели к ее трону, усыпанному весенними цветами; фрейлины и статс-дамы приносили ей самые вкусные кушанья. Никогда темно-серые глаза Китти не казались такими красивыми.

– Я совсем растерялась, я не узнаю себя, – шепнула она одной из своих фрейлин, Клотильде.

– Как это чудесно, что ты счастлива, милая! – ответила Клотильда. – Знаешь, Китти, я просто уверена: в Мертон-Гейблсе никогда еще не было такой красивой королевы мая.

Каждый час этого дня приносил новое удовольствие. Сама королева заранее составила программу развлечений, придумала различные игры. Все, что она делала, было так изящно и мило, что девочки смотрели на нее с увеличивающимся восторгом.

После полудня появились гости, жители ближайшего селения. Королева мая в венке и с гирляндой из белых цветов грациозно вышла приветствовать их. Леди и джентльмены, занимавшие места на залитой солнцем лужайке, сдержанно, как подобает взрослым, выражали свой восторг.

Девочки танцевали ирландские танцы, которым Китти заранее обучила их. Потом они протанцевали несколько старинных английских танцев. Все гости, находившиеся в весеннем саду, уверились, что одно лишь добро царит в школе миссис Шервуд.

Долгожданный день, самый счастливый в жизни Китти О’Донован, клонился к концу. Миссис Шервуд сказала несколько слов старшей статс-даме, после чего королева в сопровождении своей свиты прошла по саду и остановилась рядом с миссис Шервуд. Другие девочки – все в белых платьях – толпились за начальницей. У всех на уме была только королева мая. Даже Мэри Купп и Томасина Осборн забыли про Генриетту и ее зависть. Они не могли не поддаться очарованию Китти – королевы мая.

Миссис Шервуд приблизилась к королеве и вложила ей в руку красивую коробочку из кедрового дерева. Внутри коробочка была выложена бархатом, и в ней лежал золотой медальон на тонкой цепочке.

– Дарю тебе этот медальон в знак любви и уважения, – сказала миссис Шервуд. – Твои подруги избрали тебя королевой мая, и то, что именно ты, милое дитя, в этом году удостоена такой чести, есть свидетельство всеобщей любви к тебе.

– Мы любим тебя, Китти! – крикнули хором все девочки, кроме одной.

– Да, милая Китти, – продолжила миссис Шервуд, – это так. Но мы также уважаем тебя, не правда ли, девочки?

– Верно... О, да!

Миссис Шервуд мягким жестом сдержала восторг воспитанниц.

– В прежние годы другим девочкам оказали честь стать королевой мая. Это высокая честь. И вам, дети мои, всем – кто был и кто хочет быть королевой, – нужно жить по совести, чтобы являться достойной этой чести. Мир полон искушений и горестей. Поэтому, Китти О’Донован, желаю тебе иметь силы для преодоления всех трудностей и оставаться такой же славной, какая ты есть. Будь всегда достойной уважения, и да хранит тебя Господь.

Закончив напутствие, начальница поцеловала Китти О’Донован, а та поклонилась всем и поблагодарила за добрые слова и за доброе отношение к ней. Внезапно ее прекрасные ирландские глаза наполнились слезами, и она убежала в дом, чтобы скрыть волнение, вызванное сильной радостью.

Девочки устали. Ведь от слишком большого счастья можно устать так же, как от большого горя.

– Право, у нас никогда не бывало такого дня, – сказала Маргарита Лэнгтон, и с ней согласились другие девочки.

– Да, у нас никогда не бывало такого дня, – повторила Елизавета Решлей. – Но как бы он ни был хорош, сейчас я думаю о моей кровати, а не о развлечениях.

В хорошем настроении девочки разошлись по своим комнатам.

У Мэри Купп не было возможности поговорить с Генриеттой и Томасиной. Мэри очень веселилась весь день. Теперь же она снова подумала о своем намерении и решила утром напомнить Генриетте о вчерашнем разговоре. Нужно заставить Китти сойти с трона. Мэри пришла в комнату раньше сестер и нашла на своем столике письмо. Она сразу узнала почерк матери.

– Боже мой! Что пишет мне мама?

Мэри открыла письмо и начала читать. Ее охватило беспокойство. Она нагнулась так, чтобы свет от лампы падал прямо на бумагу. Вот что было написано там:

«Дорогая моя Мэри, пишу тебе в большом волнении и надеюсь, что ты поможешь нам. Ты знаешь нашего дорогого Поля...»

Руки у Мэри задрожали. «Ты знаешь нашего дорогого Поля...» Что значат эти слова?! Ведь Поль – ее старший брат, ее кумир. С самого раннего детства она делила с ним радость и горе. Мэри почувствовала, как сильно забилося ее сердце.

«Милая Мэри, – продолжала мать, – хочу заметить, что Поль в последнее время стал слабее, чем прежде».

Мэри уронила письмо на колени. Она вспомнила: Поль отказался от футбола, он говорил, что эта игра вызывает у него боль в боку. Она, Мэри, даже рассердилась на него за это.

– Удивляюсь, как ты мог отказаться, – сказала она. – Ведь все мальчики стремятся быть лучшими игроками в футбол и крокет.

– Я задыхаюсь, – ответил Поль, взглянул на сестру своими честными глазами, взял ее руку и сказал: – Неужели ты думаешь, Мэри, что мне легко отказаться от футбола?

Теперь она с болью в душе припомнила объяснение брата. Однако надо было продолжить чтение письма.

«Поль приехал из школы дня два-три назад. Он, шатаясь, вошел в комнату, где я обедала с младшими детьми, со словами: «Мама, мне плохо», – опустился на стул и впал в обморок. Мэри, дитя мое, в ту минуту я подумала, что он умер, и желала, да простит мне Бог эту безумную мысль, тоже умереть. Но дорогой мой сын пришел в себя, только вид у него был страшно больной. Твой отец пришел, и я рассказала ему о болезни Поля. Ты знаешь, как он относится к нему: на свете для него нет равного Полю. Когда я описала отцу состояние сына и сказала, что уложила его в постель, он пошел за доктором нашей семьи, Андерсоном. Доктор внимательно осмотрел Поля, а потом говорил с нами совершенно откровенно. Он сказал, что силы Поля истощены и что, возможно, у него болит правое легкое. Господин Андерсон

рекомендовал немедленно отвезти Поля в Лондон и показать его одному известному доктору, адрес которого он дал. И мы с твоим отцом, дорогое дитя, стали ломать голову, как нам съездить на короткое время в Лондон, прожить дня два в гостинице и заплатить доктору за осмотр нашего мальчика. Должна признаться, что мы были в отчаянии. Ты знаешь, какое маленькое жалование получает твой отец, и потому мы еле-еле сводим концы с концами. Я уже продала все ценные вещи, дитя мое. Целую ночь я пролежала без сна. Наконец к утру мне пришло в голову, что ты, Мэри, можешь помочь нам.

Ты помнишь, милая, что у тебя есть двенадцать фунтов в сберегательной кассе. Никто из моих детей, кроме тебя, не обладает такой бережливостью. У тебя есть двенадцать фунтов, и самое лучшее применение для них – это спасти жизнь твоему брату. По получении письма ты повидайся с миссис Шервуд и попроси ее одолжить тебе денег, пока ты не возьмешь свои из кассы, чтобы вернуть ей. Ведь ты сделаешь это, дорогая? Ты не сможешь отказаться помочь Полю.

Твоя убитая горем мать

Матильда Купп».

Письмо лежало на коленях Мэри, и она смотрела на него, ошеломленная прочитанным. В коридоре раздались голоса – это ее сестры шли спать. Она сунула письмо в карман и, не раздевшись, быстро легла в постель.

Матильда и Джен устали и были рады отдохнуть. Они подумали, что Мэри уже спит крепким сном, и, потушив лампу, сами легли. Минуты две спустя мисс Хонебен просунула голову в дверь. Увидев, что лампа потушена и все три девочки лежат в постелях, она не вошла в комнату.

Мэри лежала тихо, как мышка. Она даже старалась сдерживать дыхание. Когда стало ясно, что сестры уснули, Мэри приподнялась и села в постели. Ей было не по себе. Она закрыла лицо руками.

Конечно, Мэри очень любила Поля. Она всегда искренне восхищалась им и охотно пожертвовала бы собой ради него. Но случилось ужасное, чего не могла представить себе ее несчастная мать. Миссис Купп не знала, что у Мэри не было двенадцати фунтов в сберегательной кассе. Когда-то, очень давно, крестная подарила маленькой Мэри пять фунтов, с которых и началось сбережение. Со временем сумма увеличилась до двенадцати фунтов, и они могли спасти Поля. Увы! Хотя мистер Купп запретил брать деньги, положенные в сберегательную кассу, Мэри нарушила это правило. Узнав о поступлении в школу миссис Шервуд, где много богатых девочек, Мэри, чтобы не казаться хуже, накупила всяких вещей. Двенадцать фунтов растаяли быстро, от них не осталось ни одного шиллинга.

«Что же мне делать? – мучительно думала Мэри. – Я не могу помочь Полю, а сказать о том, что сделала, значит навлечь на себя позор. Отец возьмет меня из школы. Он погубит всю мою будущность, никогда не простит меня. А Поль умрет! И я сойду с ума. О! Что мне делать? Что делать? Как выйти из этой беды?»

Долго бедная Мэри страдала от безысходности. И вдруг ей в голову пришла одна мысль. Генриетта – вот в ком спасение! Она, Мэри, достаточно умна, чтобы понимать: нужно вернуть Генриетту к ее прежнему настроению. Если бы только удалось приобрести влияние на Генриетту! Как бы устроить это?

Рано утром Мэри встала, сняла свое белое платье и надела ежедневное. Сестры спали спокойно, не зная ничего о горе, которое угрожало их семье! Мэри тихонько отворила дверь и вышла из комнаты. Она должна действовать быстро, чтобы отослать деньги матери.

Мэри вспомнила, что Китти писала письмо накануне первого мая. Письмо было отослано по почте. Китти нарушила правила. Но в данном случае это не было таким грехом, за который Китти могла бы быть исключена из школы. Нужно придумать что-нибудь посерьезнее. И Мэри

придумала. Китти была общительной, открытой и относилась по-дружески ко всем. Она рассказывала о своих знакомых и друзьях в старой Ирландии, постоянно говорила о Джеке.

Джек О'Донован, двоюродный брат Китти, был одних лет с ней. И Китти любила его. Поступив в школу, она пошла к начальнице и спросила ее, можно ли переписываться с кузенком Джеком. Миссис Шервуд жаль было отказать девочке в ее просьбе, но она твердо держалась своего мнения.

– Я с удовольствием исполнила бы твою просьбу, моя милая, но не могу сделать этого. Если в школе узнают, что ты пишешь письма своему брату, все девочки обратятся ко мне с такой же просьбой. Ты понимаешь, что этого нельзя позволить. Тогда я должна буду просматривать все письма.

Китти согласилась с миссис Шервуд.

– Я понимаю, – сказала она, – и буду сообщать Джеку о себе через моего отца.

– Конечно, дорогая. Ты можешь писать сколько угодно отцу, и я никогда не буду читать этих писем. Но обещай мне, что никогда не будешь вкладывать в них письма к Джеку.

Китти пообещала и держала свое слово.

Теперь Мэри Купп пришло в голову: надо послать Джеку О'Доновану письмо, будто бы написанное Китти. Это навредит Китти и будет соответствовать желанию Генриетты. Мэри могла осуществить задуманное, поскольку у нее была способность искусно подражать чужому почерку.

В доме было тихо. Хотя уже рассвело, все еще спали. Мэри осторожно отворила дверь классной комнаты, в которой стояли рабочие столы девочек. Здесь, за этими столами, девочки читали, писали, занимались рукоделием. Мэри подошла к столу королевы мая, открыла ее тетрадь и взглядела в почерк. А потом почерком Китти она написала письмо Джеку: рассказала ему обо всем, что произошло накануне, и выразила сожаление, что его не было на празднике, а также надежду на то, что они наговорятся во время каникул; еще написала, что считает правила миссис Шервуд, касающиеся переписки, очень глупыми. Сама Китти никогда не написала бы такого письма. Оно было написано за нее и адресовано мистеру Джеку О'Доновану в имение отца Китти, где Джек подолгу жил. Приклеив марку, Мэри пошла в прихожую, положила письмо в почтовый ящик и, вернувшись в свою комнату, мгновенно уснула. Она проснулась, когда Матильда потрясла ее за плечо.

– Мэри, что с тобой? Как ты бледна, какой у тебя усталый вид! И почему ты одета?

– Да, я одета... Вчера я была так взволнована, что проснулась, оделась и сошла вниз, ненадолго. Пожалуйста, сестренки, не рассказывайте никому об этом.

– Конечно, мы не станем рассказывать, – кивнула Джени. – Но отчего ты говоришь так сердито, Мэри?

– Я вовсе не сердита, милочка... право, не сердита. У меня немного болит голова.

Выражение озабоченности появилось на лице Матильды.

– Мэри, вчера ты была мила, очень мила. Надеюсь, что ты будешь такой и дальше.

– Ну конечно! А теперь простите меня. Я должна поговорить с Генриеттой.

Мэри поспешно вышла из комнаты.

Генриетта еще лежала в постели.

– Ты опоздаешь, Генни! – воскликнула Мэри.

– Мне все равно, опоздаю или нет.

– Бедная Генни! Ты и сегодня не в духе. Это неудивительно – после того, как поступили с тобой.

– Вчера я немного забыла об этом, – продолжала Генриетта, – но ночью видела во сне эту противную Китти и теперь чувствую, что ненавижу ее. Она получила такой медальон! Воображаю, что представляет из себя имение ее отца! Во время каникул она потеряет медальон в каком-нибудь болоте. О, я с ума схожу от зависти!

– В следующем году ты будешь королевой мая. Вот увидишь!

– Если даже буду, то миссис Шервуд уже не подарит такого медальона. Она каждый год дарит разные подарки, и никто не может угадать, что это будет за подарок. Я не сомневаюсь, что мне достанется несколько противных книг, а я люблю что-нибудь фантастическое. Я хочу, чтобы восхищались мной, а не какой-то ирландкой.

– Генриетта, если я устрою так, что Китти будет лишена почестей и унижена...

– Я была бы очень обязана тебе, если бы это удалось, но это невозможно. Китти такая порядочная, ей и в голову не придет сделать какой-нибудь низкий поступок. Ее трудно поймать на чем-нибудь.

– Ты думаешь, что Китти никогда ничего не сделает потихоньку?

– Уверена, что нет.

– Ну а я знаю, что она сделала кое-что.

– Ты знаешь?

– Да, знаю.

– Мэри! Уверена ты в этом?

– Вполне. Генриетта, ты веришь, что я хочу оказать тебе услугу?

– Да, дорогая Мэри. Томасина говорит, что ты одна из самых милых девочек в школе, и ты такая умная.

– А вот что скажи – ты ведь богата?

– Как ты думаешь?

– Я полагаю, что так.

– Быть богатой не особенно весело. Бедные думают, что богатым очень хорошо живется, но они ошибаются.

– О нет, быть богатой очень хорошо. Во всяком случае, я не отказалась бы поменяться с тобой.

Генриетта пожала плечами.

– Если бы ты очутилась на моем месте, то не нашла бы в этом ничего восхитительного. Но о чем ты? Чего ты хочешь?

– Сейчас скажу. У меня есть старший брат, чудесный брат. Его зовут Поль. Он очень болен. Мне тяжело говорить об этом. Мама написала мне вчера. Они пригласили местного доктора, и он сказал, что брата надо отвезти в Лондон. Но у моих родителей нет денег на это. Они понадеялись на мои маленькие сбережения. А я, представляешь, все потратила тайно. И теперь не знаю, что же мне делать... что делать, Генриетта?

Мэри стиснула руки, наклонилась вперед и напряженно ждала, что ответит Генриетта. Страстное желание сердца выражалось в ее маленьких некрасивых глазах. Генриетта с удивлением посмотрела на нее. В сущности, она вовсе не любила Мэри, но давно заметила, что Мэри не глупа, не особенно разборчива в средствах; теперь вот выяснилось, что она находится в большом затруднении. Что же, Генриетта может воспользоваться этим обстоятельством, если захочет.

– Жаль, что ты истратила свои деньги, – сказала Генриетта. – А как насчет Китти О’Донован? У тебя есть какой-то план, Мэри. Какой?

– У меня великолепный план. Я могу устроить так, что Китти будет опозорена. Но, Генриетта, ты...

– Да, что же я должна сделать?

– Дай мне... дай мне двенадцать фунтов, которые я взяла из сберегательной кассы.

Генриетта помолчала, прежде чем ответить.

– Как спокойно ты говоришь это, – наконец произнесла она. – Я должна дать тебе двенадцать фунтов?

– То, что я скажу тебе, стоит тридцати или сорока фунтов, а я прошу только двенадцать. Что такое двенадцать фунтов для такой богатой девочки, как ты?

– Я, конечно, могла бы дать тебе эти деньги.

– О, Генни... если бы ты дала! Генни, я готова умереть за тебя, если ты дашь!

– Но что стоит таких денег? Не расскажешь ли ты мне прежде?

– Выручи меня, и тогда я расскажу.

– Хорошо, будут деньги.

Генриетта подошла к столику, отперла ящик и достала кошелек.

– Вот, возьми, – сказала она, протягивая Мэри деньги. – Но если ты не поможешь мне...

– О, Генриетта, как я люблю тебя!

– Мне нужна не любовь, а помощь. Я желаю занять должное место. И нужно убрать с моей дороги эту ирландку.

– Все твои желания исполнятся, – сказала Мэри дрожащим от волнения голосом. – Теперь я расскажу тебе все, что случилось.

– Пожалуйста. И побыстрее.

– Хорошо, Генни. Ты знаешь, что наша начальница требует строгого исполнения школьных правил.

– Да, Мэри. Продолжай.

– Позавчера вечером, накануне праздника, я не могла заснуть и вышла в сад.

– Но, Мэри, ты же сама нарушила одно из правил, – усмехнулась Генриетта.

– Меня никто не видел. Ты ведь никому не скажешь? Я вышла потихоньку и погуляла немного. Тогда же я увидела, как наша примерная Китти О’Донован сидела за столом и писала письмо.

Генриетта удивленно взглянула на Мэри.

– Да, она писала письмо. Думаю, что отцу.

– Это все?

– Нет, далеко не все. Я расскажу тебе, что случилось сегодня утром.

– Сегодня утром?

– Да, слушай. Миссис Шервуд позволяет нам переписываться с родителями и не читает этих писем. Она говорит, что даже учительницы не должны стоять между детьми и родителями. Но все другие письма должны просматриваться ею.

– Ну да, я знаю это, – сказала Генриетта. – У меня, например, нет ни двоюродных братьев, ни двоюродных сестер, ни подруг, которым я особенно хотела бы писать. А так как я единственный ребенок у моих родителей, то мне некому писать, кроме них. Однако, Мэри, у тебя такой взволнованный вид...

– Есть отчего быть взволнованной. Слушай самое интересное. Весь вчерашний день я не могла спокойно смотреть на королеву мая, которая прямо вся светилась от счастья. В то время как по отношению к тебе, дорогая Генни, была совершена чудовищная несправедливость. Потому что ты более всех других достойна этого титула. Я так переживала из-за тебя, Генни! Так переживала, что не могла спокойно спать. Я встала и, стараясь не разбудить сестер, вышла из комнаты.

– Ночью?! – уточнила Генриетта, заинтересовавшись рассказом.

– Было раннее утро. Я решила сойти вниз, в классную комнату, чтобы взять какую-нибудь книжку. В доме еще никто не вставал... так, по крайней мере, думала я. Но когда я тихо открыла дверь... кого я увидела сидящей за столом?

– Кого же? – в нетерпении спросила Генриетта.

– Китти О’Донован, вот кого, – торжествующе ответила Мэри.

Было видно, что Генриетте ответ удивил. И она, конечно, ждала продолжения рассказа. Мэри в душе была довольна и поспешила закрепить успех.

– Сердце у меня почти остановилось. Я прокралась тихонько к ширме, стоящей недалеко от двери, – к той, которая скрывает кувшин с водой и тазик для мытья рук. Я встала там неподвижно, боясь задеть кувшин. Мне было видно, что Китти очень быстро писала. Наконец она встала и вышла из комнаты. Думаю, она пошла за маркой. Я не могла удержаться, прошла на цыпочках по комнате и увидела на ее столе запечатанное письмо с адресом: «Мистеру Джеку О’Доновану, имение «Пик», Киллерней, графство Керри».

– О! – произнесла Генриетта.

– Да, вот что я увидела, – торжествующе продолжила Мэри. – Едва я успела вернуться за ширму, пришла Китти. Конечно, она ходила за маркой. Выйдя в прихожую, она бросила письмо в почтовый ящик.

– И что было потом?

– Потом она побежала наверх, к себе в комнату.

– Не понимаю, Мэри, какое же большое преступление совершила эта грешная Китти? – не скрывая раздражения, спросила Генриетта. – Нарушила наши правила, встав раньше других и написав письмо отцу?

– А вот и нет! – почти с радостью возразила Мэри. – В том-то и дело, что мистер Джек О’Донован – это не отец Китти, а ее кузен, живущий в имении «Пик» у своего дядюшки. Ты понимаешь, Генни, что это значит? Она написала своему двоюродному брату, хотя миссис Шервуд строго запретила нам писать кому-либо, кроме родителей.

– Да, это уже серьезно, – кивнула Генриетта. – А откуда тебе известно об этом брате?

– Китти сама о нем рассказывала девочкам. Она говорила, что очень любит своего дорогого Джека. Но миссис Шервуд не позволила ей писать Джеку, а только посылать ему поклонны через отца. Ну а теперь что же? Она так осмелела после того, как стала королевой, что написала ему письмо. И оно уже на пути к мистеру Джеку О’Доновану, потому что письма из почтового ящика вынимают в семь часов утра. Что ты на это скажешь, Генриетта? Какова наша королева мая?!

– Все это удивительно! И вот что я тебе скажу, Мэри. Ты должна пойти к миссис Шервуд и рассказать ей всю правду.

– Считаешь, что нужно уже сейчас рассказать?

– Да. Нехорошо скрывать это от нее. Может быть, Китти сумеет объяснить свой поступок. А может быть, и нет.

– Довольно неприятно. Не могла бы ты сделать это, Генриетта?

– Я? Считаю, что моя роль окончена после того, как я дала тебе двенадцать фунтов. А ты должна сделать это непременно. Я вовсе не намерена спасать мисс Китти О’Донован. Разве ты не слышала, что говорила ей миссис Шервуд вчера вечером? Разве не ей она подарила чудесный медальон? Ты, Мэри, действительно рассказала мне нечто нужное. Отправь деньги родителям и потом расскажи все подробно миссис Шервуд. Надеюсь, ты обо всем мне доложишь вечером.

Глава IV

«Я не люблю Мэри Купп»

Мэри торопливо написала матери несколько строк:

«Милая мама, я одолжила денег у одной из моих школьных подруг, поэтому не просила у миссис Шервуд. Эта девочка очень добра и богата, а я могу вернуть ей долг дня через два. Пожалуйста, сообщите мне как можно скорее, как чувствует себя Поль. Некогда писать больше. Ваша любящая дочь Мэри Купп.

P. S. Я не говорила Матильде и Джен о Поле, но скажу, если вы желаете».

Окончив письмо, которое она писала за своим столом в классной комнате, Мэри задумалась, как ей побыстрее отправить письмо. И в эту минуту вошла мисс Хонебен в хорошенькой шляпке. На руке у нее висела корзинка.

– Мэри, дитя мое, – сказала она, – отчего ты не с другими? Через полчаса начнутся занятия.

– Мисс Хонебен, – сказала Мэри, подходя к учительнице и сжимая обе ее руки. – У меня большое горе. Мой брат очень болен. Я отсылаю матери важное письмо. Не идете ли вы в селение?

– Да, моя милая. Я иду туда.

– Тогда я прошу вас отправить родителям письмо и деньги на лечение брата. Деньги... мои собственные. И мне бы не хотелось, чтобы об этом кто-либо знал.

– Да, дитя мое. Ты бледна и как будто плакала.

– О, не говорите со мной об этом, иначе... я не должна поддаваться...

– Хорошо, успокойся. А я сделаю все, как ты просишь. В конверт положены деньги?

– Да, а вот еще два соверена и шесть пенсов на квитанцию и марку.

– Конечно, моя милая. Дай мне деньги. А теперь иди и постарайся развлечься. Не надо терять надежды. Твой брат, по всей вероятности, скоро поправится.

«Она не понимает», – подумала Мэри.

На площадке для игр к Мэри подбежала Китти. Мэри успела позавидовать: движения Китти были так легки и грациозны, что она напоминала серну или лань.

– Мэри! Я еще не видела тебя сегодня. Как ты себя чувствуешь, милая? У тебя довольно мрачный вид. Ничего не случилось?

– Спасибо, Китти. Мне бы хотелось... мне бы хотелось остаться одной.

– Нет, – возразила Китти. – Я пройду с тобой. Я часто видела папу в унынии, и мне удавалось его развеселить. Теперь я развеселю тебя. До начала занятий еще двадцать минут. Пойдем посмотрим на золотых рыбок. Они великолепны!

Мэри казалось, что ласковость и веселость Китти жгут ее сердце, словно горячие уголья.

– У всех бывают заботы, – успокаивала ее Китти. – Я теперь думаю о моем милом папе и о Джеке. Я так люблю Джека. С нетерпением жду, когда вернусь домой на каникулы! Как бы он веселился вчера! А, вот Клотильда. Иди сюда и помоги мне развеселить Мэри. Я только что говорила Мэри, как мне хотелось бы, чтобы Джек был здесь вчера.

– Мне не терпится увидеть твоего удивительного Джека, – сказала Клотильда.

– А уж как мне не терпится увидеть его! – воскликнула Китти. – Вчера я даже чуть было не написала ему, но нельзя же действовать против правил.

– Это верно, – улыбнулась Клотильда. – Хотя могу себе представить, как обрадовался бы письму твой брат.

– Да. Сегодня вечером я напишу папе, и он многое перескажет моему милому Джеку. Джек теперь у нас в имении. Он должен был уехать из школы, потому что там началась корь.

Клотильда охотно болтала с Китти о разном, а Мэри с каждой минутой чувствовала неудобство. Наконец раздался звон большого колокола, девочки собрались в классе, и начались уроки.

Во время перемены, продолжавшейся четверть часа, маленькая Джени подошла к Матильде.

– Я надеюсь, что Мэри расскажет нам о том, что так тревожит ее, – сказала она.

Матильда увидела Мэри и окликнула ее.

– Разве ты не поговоришь с Джени и со мной, как обещала?

– Нет, мне очень жаль, но сейчас не могу.

Как раз в эту минуту Генриетта прошла мимо. Она взглянула на Мэри так, будто напонила о том, что требуется сделать. Мэри засуетилась и окинула взглядом двор, где все гуляли. Она обратилась к гувернантке-француженке, мадемуазель де Курси:

– *Mademoiselle, dites-moi, s'il vous plaît, où est madame Sherwood?*¹

– *Je l'ai vue entrer dans le salon bleu, Marie*².

– *Est-ce qu'on peut parler avec elle?*³

– *Oui, ma chère, mais il faut vous dépêcher*⁴.

Мэри хотела бы услышать совсем другой ответ – что мадам Шервуд сейчас занята. До конца перемены еще есть немного времени. Успеет ли она рассказать свою историю начальнице? Мэри прошла по коридору и постучалась в дверь голубой гостиной. «Войдите», – послышался приятный голос миссис Шервуд. Войдя, Мэри увидела миссис Шервуд за столом. Она отвечала на письма, полученные с утренней почтой. По мнению хозяйки школы, Мэри Купп не обладала какими-либо способностями и не особенно ласково относилась к другим девочкам, но она была дочерью давней знакомой, которую добрая миссис Шервуд в душе жалела. Поэтому и согласилась заниматься воспитанием Мэри и ее сестер.

– Садись, милая, – сказала миссис Шервуд. – Тебе, верно, нужно поговорить со мной?

– Да, очень нужно. Я... я страшно несчастна.

– Несчастлива? Отчего, дитя мое?

– Мой брат Поль болен.

– Твой брат Поль? Милая Мэри, твой бедный брат болен? Когда ты узнала это?

– Я получила письмо вчера вечером с последней почтой, миссис Шервуд. Я нашла его в своей комнате. Поль очень болен. Мои отец и мать везут его к доктору в Лондон.

Глаза Мэри наполнились слезами.

– Не плачь, милое дитя. Твои родители сделают для него все, что можно. Будем надеяться, что их старания увенчаются успехом. Не падай духом, милая. Мне очень жаль тебя. Я напишу твоей дорогой матери.

– Миссис Шервуд, я пришла сюда по... по ужасному делу.

– Насчет твоего милого брата?

– Нет, вовсе не о нем...

– Так о чем же, Мэри?

– Вы желаете, чтобы все девочки соблюдали школьные правила?

Лицо начальницы сделалось строже.

– Ну разумеется. Я уверена, что все девочки понимают это.

¹ Мадемуазель, скажите, пожалуйста, где госпожа Шервуд?

² Я видела, как она вошла в голубую гостиную, Мари.

³ Можно поговорить с ней?

⁴ Да, но поторопитесь.

– Тогда скажите мне, миссис Шервуд, должна ли та, кто обнаружит чье-то непослушание, сообщить об этом? Причем не подругам и не кому-нибудь из уважаемых учительниц, но прямо вам. Не так ли?

– Зачем ты это спрашиваешь, Мэри? Я не терплю сплетен и злословия. Однако, по сути, ты сказала верно: мне важно знать о недостойном поведении кого-либо, чтобы я могла действовать немедленно и исправить положение. Впрочем, кажется, что сообщать мне дурное просто не о ком.

Мэри потупила взгляд.

– Миссис Шервуд, только не подумайте, что я... что я кому-то желаю... Наоборот! Но я не могу молчать, не имею права. И мне все равно, будет это скрыто или нет. Но я должна передать вам нечто... нечто очень печальное.

– Ну говори же.

– Сегодня утром я спустилась вниз, в классную комнату, чтобы взять книгу, так как не могла спать, думая о больном Поле.

– Это было тоже не по правилам, милая Мэри, но, поскольку это из-за Поля и ты сама призналась, я прощаю тебя. Однако о чем еще ты хочешь мне сообщить?

Мэри повторила в точности все, что рассказала Генриетте – про ширму и про Китти.

– И ты видела, что она опустила письмо? Ты пошла в прихожую?

– Да, пошла. Я стояла за статуей Аполлона. Я была сильно удивлена, потому что сама Китти прежде рассказывала, как вы запретили ей писать двоюродному брату Джеку.

– А! Ты знала это?

– Да.

– Что ж, Мэри, ты можешь идти. Пожалуйста, не говори никому из своих подруг о том, что рассказала мне. Если будет нужно, я пришлю за тобой.

Мэри вышла. Когда за ней закрылась дверь, миссис Шервуд некоторое время сидела в задумчивости.

– Что это значит? – произнесла она вслух, рассуждая сама с собой. Потом прибавила после глубокого раздумья, с большой горячностью: – Да, я все-таки не люблю Мэри Купп, хотя она и дочь моей давней знакомой.

Занятия шли своим обычным ходом. За исключением Мэри Купп, все девочки были в отличном настроении. После полудня миссис Шервуд вышла к своим ученицам. День был чудесный, и потому решили пить чай на лужайке. Начальница наблюдала за Китти. Ей казалось, что она видит какое-то сияние на ее лице, что сильно удивляло. А Мэри Купп, очевидно, скрывала что-то, потому что была унылой. Миссис Шервуд старалась убедить себя, что это уныние вызвано состоянием здоровья Поля. Она в душе сочувствовала миссис Купп.

Неожиданно подошла Китти.

– Вы позволите, миссис Шервуд?

Девочка присела возле начальницы. Вдруг она взяла руку миссис Шервуд.

– Я люблю вас! И никогда, никогда не забуду вчерашнего дня, и ваших слов, и как вы добры ко мне. Я никогда не забуду – никогда.

Глаза Китти наполнились слезами. Прежде чем миссис Шервуд успела ответить ей, она уже упорхнула к своим подругам. Все требовали общения с Китти. Конечно, она была любимицей школы.

После чая девочки обычно проводили время в саду или во дворе. Они могли разговаривать друг с другом; могли даже вдвоем ходить в селение за покупками или по каким-нибудь своим делам. Миссис Шервуд заботилась о том, чтобы ее ученицы знакомились с реальной жизнью – настолько, насколько позволительно школьницам. Здесь, в Мертон-Гейблсе, можно было без боязни дать девочкам немного больше свободы.

Селение находилось менее чем в полумиле от школы, и идти к нему можно было двумя путями – по дороге и по тропинке, бегущей вдоль рощи. Девочкам нравилось ходить туда.

В этот день Генриетта, Елизавета и Клотильда отправились в селение, чтобы купить почтовые марки, но больше – чтобы поговорить о последних событиях. Клотильда и Елизавета были в восторге от Китти. Генриетта слушала их с мукой в сердце, однако посчитала, что разумнее не признаваться в своих чувствах и мыслях.

– Я часто думаю, какова она будет через несколько лет, – сказала Елизавета Решлей. – И когда она будет невестой. Как же она прелестна!

Генриетта улыбнулась, и улыбка получилась какой-то кривоватой.

– Ты забываешь, что, несмотря на несомненное очарование нашей королевы мая и ее безупречные манеры, она очень бедна. Хотя я не сомневаюсь, что Китти удачно выйдет замуж, потому что она, как о ней вы говорите, «хорошенькая».

И Генриетта рассмеялась. Клотильда обернулась и посмотрела на нее.

– Генни, мне кажется, если бы можно было заглянуть в глубь твоего сердца, то мы не нашли бы там нежных чувств к нашей милой Китти. Не понимаю, почему ты не любишь ее.

– Ты не имеешь права так говорить, – ответила Генриетта. – Я очень люблю ее, но мне не нравится, когда кого-либо захваливают. Вы производите слишком много шума вокруг Китти.

А в это время Мэри Купп снова разговаривала с хозяйкой школы. Она хотела наконец пообщаться с сестрами, особенно с маленькой Джени, чтобы та не обижалась, но миссис Шервуд, подойдя, положила руку на ее плечо.

– Мэри, милая, я должна поговорить с тобой.

– Хорошо, миссис Шервуд. Что вы желаете?

– Пойдем со мной в дом.

Мэри повиновалась с удивлением и некоторым страхом. Они вошли в дом, и миссис Шервуд направилась к голубой гостиной.

– Закрой дверь, Мэри.

Девочка исполнила указание.

– Милая Мэри, я много думала о тех печальных новостях, которые ты принесла мне сегодня утром. В случаях подобного рода – к счастью, мне очень редко приходится слышать о них – я считаю поспешность излишней. В особенности мне не хочется действовать быстро теперь, когда дело касается Китти О’Донован. Я знаю ее отца и знала милую мать, которая уже давно умерла. Китти я увидела впервые совсем маленьким ребенком. Я всегда думала о ней хорошо. То, что она могла дойти до недостойного поступка, смущает и невыразимо огорчает меня.

– Она сделала это, миссис Шервуд.

– Да, Мэри. Ты говоришь, что видела ее. У меня нет оснований не доверять твоим словам. Ведь у тебя не могло быть никакой дурной цели.

– Никакой. Я сама весьма огорчена. Ах, я так переживаю за дорогую Китти!

– Вижу, что ты несчастна, дитя мое. Я не думала, что ты очень дружна с Китти. Никто в школе не знает о том, что ты рассказала мне, милая Мэри?

– Никто.

– Это успокаивает меня. Так мне будет легче действовать. Мэри, я прошу тебя... я хочу взять с тебя обещание. Ты не должна говорить об этом случае никому-никому.

– Уверяю вас, не буду. Я не скажу никому.

– Ты можешь понять, милая Мэри, что я от души желаю поступить честно и справедливо в этом деле. Я должна иметь в виду будущее не одной Китти, но и всей школы. Я не желаю выказывать особого снисхождения к Китти на том основании, что люблю ее. Но все же, полагаю, можно дать ей один шанс.

– Да, миссис Шервуд, какой же?

– Если она сознается мне в своем проступке и выкажет искреннее раскаяние, в этом случае я могу наказать ее тайно; ты одна будешь знать это, а школе не придется видеть унижение своей королевы мая. Развенчание королевы мая – вещь ужасная. У меня был один такой случай – он разбил мне сердце, и я не могу говорить о нем. Мэри, отыщи Китти сейчас же. Скажи ей прямо, что случилось сегодня утром, и попроси ее прийти ко мне. Скажи: пусть она сознается, и тогда я не буду слишком строга к ней. Иди, дитя мое. Если тебе удастся привести ее или прислать ко мне с раскаянием в душе, я буду благодарна и буду любить тебя, Мэри Купп.

Нельзя было найти более трудной задачи для Мэри, чем та, которая так неожиданно выпала на ее долю.

– Я сделаю все, что смогу, – медленно проговорила она. – Но... но... если мне не удастся?

– Мэри, тебе нужно только быть искренней.

– Она скажет, что с моей стороны было нехорошо прятаться за ширмой.

– Да, Мэри, было бы гораздо лучше, когда бы ты сразу подошла к Китти и поговорила с ней. Тогда, наверное, она бы не отправила письмо своему кузену. И этот ужасный случай неповиновения не имел бы места.

– Миссис Шервуд, вы даете мне страшную задачу. Я не знаю, как исполнить ее.

– Но ты должна сделать это, – твердо произнесла начальница. – Я буду ждать Китти здесь в продолжение часа. Ступай же, Мэри. Ты спасешь и королеву мая, и школу.

Мэри медленно вышла из комнаты.

Глава V

Мэри Купп обвиняет Китти

«Что мне делать? Мне кажется, я сойду с ума», – говорила себе Мэри Купп. Подавленная, она медленно вышла в сад.

– Мне кажется, я с каждой минутой становлюсь все хуже и хуже, – тихо пробормотала она. – Не понимаю, что делается со мной. Никогда не могла предположить, что дойду до чего-нибудь подобного. Какую ужасную историю я придумала! И как я нагала миссис Шервуд... А теперь я должна говорить с Китти. Боже мой, боже мой!

Мэри шла по одной из дорожек сада. Вдруг она увидела идущую ей навстречу Китти. Она несла цветы, сорванные для больной дочери привратника, Анни. Девочка, страдая болезнью спины, не могла ни бегать, ни играть, как другие дети. Она очень подружилась с Китти. Не проходило ни одного дня без того, чтобы Китти не заходила поболтать с Анни, посмеяться с ней, оказать ей какую-нибудь маленькую услугу.

Китти, увидев Мэри, улыбнулась.

– Мэри, мне сказали, что у тебя болен брат. Мне жаль его. Надеюсь, ему скоро станет лучше. А я вот несу цветы маленькой Анни. Миссис Уолкер говорит, что она любит полевые цветы. Не пойдешь ли со мной, Мэри? Я думаю, миссис Уолкер будет благодарна нам.

– Какая ты тщеславная, Китти! – неожиданно вскрикнула Мэри. – Неужели тебе еще недостаточно лести? Ведь ее столько уже было – и вчера, и вообще в последние дни.

– Но я не слышала никакой лести, – сказала Китти, поднимая свои глубокие серые глаза и пристально глядя на Мэри.

– Никакой лести! Я ни разу не видела, чтобы за девочкой так ухаживали.

– О, да, – сказала Китти. – Все были удивительно ласковы со мной, но ведь не назовешь же ты это лестью? Я думаю, что все были искренни. Да что с тобой, Мэри?

– Мне нужно тебе сказать кое-что, Китти... Я должна сказать это, хотя тебе будет больно. Я знаю, что сама поступила дурно, но все же не так дурно, как ты.

– Что ты хочешь сказать?

От возбуждения глаза Китти стали темными, как ночь. Она была смелой и решительной девочкой.

– Я расскажу тебе, что случилось, – сказала Мэри. – Я не могла уснуть после того, как получила от мамы ужасное письмо и... я спустилась вниз, в классную комнату, чтобы взять книгу. Было раннее утро. Я приоткрыла дверь тихонько, чтобы она не скрипнула. И я увидела тебя. Ты сидела за своим столом...

– Боже милосердый! Ты... ты увидела меня, Мэри?

– Да, увидела, Китти, и ты не можешь отрицать это. Ты писала. Я не стала мешать тебе и спряталась за ширму. Ты писала очень быстро... Потом ты вышла из комнаты за маркой, а я в это время подошла к твоему столу и прочла адрес на письме. Письмо было адресовано Джеку О'Доновану, в «Пик», Киллерней, графство Керри. Ты вернулась и наклеила марку. В прихожей ты опустила письмо в почтовый ящик, после чего убежала наверх.

– Мэри! Что за вздор ты говоришь! Я вовсе не вставала с постели, никогда не писала этого письма. Я устала и крепко спала всю ночь. В твоём рассказе нет ни слова правды – ни слова!

– Китти, тебе бесполезно отпираться. Я видела тебя. И думаю, что уже скоро твой двоюродный брат получит письмо. А я... я была обязана рассказать все миссис Шервуд.

– О, Мэри! Подумать только! Ты искала меня, чтобы сказать такую ложь! Потому что ведь это ложь, Мэри. Мэри! Я не могу понять тебя.

– Я должна была сделать это. У миссис Шервуд нет желания наказывать тебя так, чтобы все знали. Она любит тебя и говорит, что это ужасно – развенчать королеву мая. Это было только раз, миссис Шервуд помнит тот случай. Она хочет, чтобы ты пришла к ней и сказала, что сожалеешь и раскаиваешься, – вот и все. Пожалуйста, пойдешь к ней, Китти.

– Да, я пойду, – сказала Китти. – Общение с Анни придется отложить.

Сердце миссис Шервуд забилося от радости, когда раздался стук в дверь. Увидев личико Китти, она встала с улыбкой.

– А, моя милая Китти! Я так и думала, что ты недолго выдержишь. Мэри Купп говорила с тобой, и ты пришла ко мне. Ты пришла сказать, как глубоко ты огорчена. Подойди ко мне, дорогая. Мое милое, дорогое дитя!

– Но... миссис Шервуд, – начала было Китти.

– Да, милая, ты объяснишь, ты все расскажешь мне. Вчерашние события вскружили тебе голову – и неудивительно, дорогая. Я готова... готова простить. Только скажи мне, что искренне сожалеешь о случившемся, и я не буду жестока к тебе, и никто, кроме Мэри Купп, не узнает об этом.

– Но... но... дорогая миссис Шервуд!..

Девочка бросилась на колени, схватив мягкие руки миссис Шервуд и сжав их в своих руках, она вскинула вверх глаза, чтобы видеть ее лицо.

– Вы велели Мэри Купп сказать мне эти слова?

– Она видела тебя, не правда ли, моя милая?

– Видела. Я нарвала цветов для Анни. А Мэри, она мне казалась грустной, но я не понимала почему, пока не узнала о болезни ее брата.

– Она тревожится о своем брате, дорогая.

– Но, миссис Шервуд, Мэри сказала мне странное: будто я написала письмо Джеку, рано утром спустившись в классную комнату. Сидела там, написала письмо Джеку и отправила его по почте. Дорогая миссис Шервуд, я ничего этого не делала.

– Китти!

– Я не делала этого, миссис Шервуд. Я не писала никакого письма. Ведь я еще, слава богу, не сошла с ума. Если бы было то, о чем говорит Мэри, то я и сама бы знала об этом. Но я не вставала чуть свет с постели. Я не писала никакого письма. И я не могу раскаиваться в том, чего не делала. Я знаю, что у меня много недостатков. Папа говорит, что я полна ими, хотя он любит меня. Однако, поверьте, я не так плоха, чтобы нарушать установленные вами правила. Я нарушила одно и пришла сказать вам. Я написала очень короткое письмо папе – в своей комнате, накануне праздника. Мне так хотелось выразить ему мой восторг. Я осознаю, что в этом случае нарушила правила. Пожалуйста, простите меня – но именно за это письмо. Никакого другого письма я, право, не писала. Признаюсь, мне часто хочется написать милому Джеку, потому что он мне как родной брат, однако я не могу идти против вашей воли. Вы мне так дороги, что я не могу ослушаться вас.

Миссис Шервуд внимательно слушала Китти, даже не пытаясь прервать ее.

– Дитя мое, ты совершенно сбиваешь меня с толку.

– Вы должны поверить мне, дорогая миссис Шервуд. Поверить, что ваша королева мая не может опозорить вас, себя и всю школу.

– Милое, милое дитя! Сядь рядом и дай мне подумать.

Китти села.

– Вы ведь не сомневаетесь во мне? – спросила она.

– Нет, Китти, но дело становится очень затруднительным! Что могло побудить Мэри Купп навести на тебя обвинение в проступке?

– Я не знаю. Каково бы ни было ее побуждение – я этого не делала. Пожалуйста, скажите, что вы верите мне!

– Я, конечно, готова поверить тебе, Китти. Однако, поверив тебе, нужно будет признать, что Мэри Купп все выдумала.

– Да, конечно, – согласилась Китти, – и скоро обман откроется. Если я написала письмо, то Джек должен получить его через два дня. Точнее, уже послезавтра с первой почтой. Я могу дать телеграмму Джеку или отцу, чтобы узнать, получено ли мое письмо. Это решит проблему, не правда ли?

– Ты сообразительна, Китти. Несомненно, это рассеет все недоразумения.

Глава VI

Мисс Хонебен смущена

Вечером Мэри Купп пришла в комнату Генриетты.

– Ну что ты сделала сегодня, Мэри? Ты была у миссис Шервуд?

– Да, я рассказала миссис Шервуд, что случилось: Китти О’Донован написала письмо двоюродному брату.

– И как же миссис Шервуд отнеслась к тому, что услышала? Она не вышла из себя? Во время чая я не заметила никаких перемен и подумала, что ты ничего не сделала. Китти по-прежнему смеялась и шутила, а миссис Шервуд ласково смотрела на нее. Надеюсь, наша королева скоро увидит совсем иное отношение к себе.

– Конечно, – сказала Мэри. – В этом нет никакого сомнения. Знаешь, после чая я хотела приняться за письмо бедной маме, и тут миссис Шервуд сказала, что хочет поговорить со мной. Сердце у меня сильно забилося. В кабинете она спросила, знает ли еще кто-то о проступке Китти, и велела мне никому не рассказывать об этом. Она так тревожилась, так сильно тревожилась. Вот я и убедила ее, что никому ни о чем не говорила. Тебе, Генриетта, нужно быть осторожной.

– О да, конечно. Можешь не беспокоиться.

– Я должна была поговорить с Китти.

– И что же?

– Мне хотелось уговорить ее пойти к миссис Шервуд и признаться в том, что сделано. Но она разозлилась.

– Так пошла эта задавака к миссис Шервуд?

– Да. Китти сразу побежала в дом.

Генриетта была довольна. Она о чем-то подумала и с милой улыбкой повернулась к сообщнице.

– Вот что, Мэри, ты спросишь завтра у Китти, какое решение объявила ей миссис Шервуд. Обещай, что спросишь.

– Мне бы не хотелось говорить с Китти. Теперь она страшно ненавидит меня.

– Она возненавидит тебя еще больше со временем. А ты лучше спроси ее. И вообще, моя дорогая, тебе следовало бы делать все, чего я хочу. Видишь ли, мне случайно стал известен адрес твоего отца в Манчестере, и я могу рассказать ему о деньгах в сберегательной кассе.

Мэри вся напряглась – сузились и без того маленькие глазки, волна злости подступила к горлу. Ей хотелось броситься на Генриетту с кулаками. Но она сдержалась.

– Хорошо, я сделаю все, что ты скажешь, Генриетта. Думаю, что мы как-нибудь выпутаемся. Теперь я от всей души желаю, чтобы мы оставили в покое бедную королеву мая.

– Что ты хочешь этим сказать? Чтобы мы оставили ее в покое? Ты же сама видела, как она нарушила правила школы. Полагаю, мои родители заберут меня из такой школы, где правила нарушают безнаказанно. Какая репутация у школы может быть после этого? Конечно, если в школе нет дисциплины и справедливости... Избрали бы королевой мая меня, ничего бы этого не было. Китти О’Донован была бы поставлена на свое место, и ей не удалось бы написать кузену Джеку.

– По правде сказать, Генриетта, меня больше беспокоит, что болен мой брат Поль. Генни! Ты спасла и меня, и моего бедного Поля.

Генриетта стояла у окна и смотрела в темный сад. Она произнесла, не оборачиваясь:

– Ладно, Мэри, успокойся. Мне пришлось одолжить тебе денег, и если ты добьешься того, чтобы Китти была наказана, то я не скажу больше ни слова о деньгах.

– Хотела бы я, чтобы было так, – тихо ответила Мэри, поднимаясь со стула. Она в раздумье вышла из комнаты.

Сестры сидели на кроватях, очевидно, с нетерпением поджидая ее.

– Ну, Мэри! – воскликнула Матильда. – Мы непременно хотим узнать, что случилось.

– Ничего, ничего не случилось.

– Да нет, – продолжала Матильда, – должно быть, случилось нечто очень важное, иначе ты не выглядела бы как привидение. Ты что-то скрываешь. Избегаешь нас, своих сестер, и проводишь время с другими девочками.

Мэри подумала, что совсем отмолчаться не удастся.

– Я скажу вам, в чем дело. Не говорила целый день, хотела и вовсе не говорить, чтобы не расстраивать вас.

– О, Господи, – выдохнула Джени в волнении. – Это что-то плохое?

– Да, ужасное... Это касается нашего Поля. Он болен. Вчера вечером я, вернувшись в комнату раньше вас, нашла на своем столике письмо от мамы. Наша мамочка сильно обеспокоена, потому что у Поля был обморок. И доктор сказал, что его надо показать специалисту в Лондоне. Родители повезут Поля в Лондон завтра или послезавтра.

Мэри стала раздеваться. Как раз в эту минуту мисс Хонебен просунула голову в дверь.

– Милая Мэри, – сказала она, – отчего ты не в постели?

Мэри покорно кивнула. А маленькая Джени вдруг зарыдала:

– Мы очень, очень несчастны, мисс Хонебен! Поль, наш брат, серьезно болен.

Добрая мисс Хонебен в одно мгновение очутилась около взволнованной девочки и, обняв ее, постаралась успокоить.

– Мэри знала это весь день, мисс Хонебен, но рассказала нам только теперь, – объяснила Матильда. – Не сердитесь на нее, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.